

ЖИЗНЬ

во Христе

— СЛОВО о ВЕРЕ

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего
Леонтия — Митрополита
Оренбургского
и Бузулукского

№ 20 (266)
Октябрь 2008 г.

ЧТО ЧИТАТЬ НАШИМ ДЕТЯМ

Какие книжки покупать детям? Что читать с ними в кругу семьи? Как родителям научить детей читать хорошие книги и что такое здесь «хорошо» и «плохо»? Проблему детского чтения протоиерей Аркадий ШАТОВ обсудил с переводчиком богословской литературы, преподавателем ПСТГУ, автором программы по литературе для средней школы, литературным редактором Ксенией Алексеевной ВДОВИЧЕНКО.

— **Ксения Алексеевна, что бы вы рекомендовали читать в кругу семьи?**

— Трудно рекомендовать конкретные книги, это зависит от семьи, от ребенка. Хотя есть мировая классика, детские книги, которые всегда пользовались успехом.

Я могу назвать любимые книги моей старшей дочери, которой семь с половиной лет. Это «Детская библия», былины в прозаическом пересказе И. Карнауховой, «Калевала» — тоже в переложении, исторические повествования, «Песня о Роланде». Еще «Хоббит — туда и обратно», повесть Толкиена. Любит она и повести Чарской. Хотя Чарскую можно трактовать как несколько сентиментальную литературу, но я сочла, что вреда от этого не будет — надо предоставить ребенку

некоторую свободу. Но есть книги, которые я не разрешаю читать и не покупаю, например, повесть Н. Блохина.

— **Я знаю, что была попытка создать список детской литературы, состоящий из четырех разделов: книги, обязательные для чтения; книги, которые можно прочитать; книги, которые не стоит читать; и книги, которые категорически читать нельзя. Хотели составить этот список с участием разных семей и утвердить у батюшек. Так ничего и не получилось. Разные родители по-разному оценивают книги.**

— Мне кажется, батюшка, такой список создать невозможно. Все-таки Православие предполагает свободу: в главном — единство, в прочем — однозначных вещей.

Просто родители должны чувствовать ответственность и понимать, что ребенку невозможно давать читать книгу, которую они сами перед этим не просмотрели и не удостоверились в том, что в ней нет какой-нибудь гадости.

— **Так и мы: что-то, может быть, не надо читать вслух вместе, но не запрещать читать ребенку, если он хочет. А из другой книги ограничиться отдельным эпизодом, интересным и поучительным. Отношение может быть избирательное.**

— Мне кажется, в таких вопросах должна обязательно присутствовать деликатность с самого нежного возраста и уважение к личности ребенка. Бескомпромиссность нужна только в отношении однозначных вещей. У нас в семье была

одна смешная, на мой взгляд, история, связанная с советской литературой. Нам подарили «Тимура и его команду» Гайдара. Я решила ее куда-нибудь спрятать, чтобы она не попадалась детям. Убрала под шкаф, думала, что туда они никогда не долезут. И через два дня я увидела, как дочь читает эту книгу запом. Потом я, правда, обратно убрала ее под шкаф, но в тот момент не стала у дочери отнимать: она читала с большим удовольствием, и маловероятно, чтобы ребенок

Православие предполагает свободу: в главном — единство, в прочем — свобода и во всем любовь. Просто родители должны чувствовать ответственность и понимать, что ребенку невозможно давать читать книгу, которую они сами перед этим не просмотрели и не удостоверились в том, что в ней нет какой-нибудь гадости.

мог увлечься какой-то пионерской тематикой.

— **Мне кажется, что в запретах иногда родители просто более испорчены, чем дети. Дети не видят то плохое, что есть в этом авторе или в книге.**

— Конечно. В «Тимуре и

богатым воображением не нужно ни телевизора, ни компьютера, достаточно какого-то романа, и он начинает этим жить. Чтение развивает мечтательность.

— Настоящее чтение предполагает труд и интерес к миру. Мне кажется, в основе полезного чтения должен лежать интерес к другой личности. А для того, чтобы почувствовать и понять позицию, высказанную автором в книге, нужно потрудиться. В этом смысле, мне кажется, полезно привлекать внимание детей не только к содержанию, но и к форме, пытаться пробудить в них интерес к тому, как по-разному на одну и ту же ситуацию можно посмотреть. Мне кажется, полезно детей привыкать к трудным книгам.

— А как это сделать?

— Когда дочь еще не ходила в школу, ей попалась в руки «Илиада», и она спросила: «Мам, можно я почитаю?»

Я в этот момент глядila белье и сказала: «Можно, но только при одном условии: ты будешь читать вслух, медленно, и мы будем останавливаться каждый раз, когда тебе что-то покажется непонятным, и попытаемся это расшифровать». У нас чтение превратилось в игру, это ей очень понравилось. Мы в общей сложности за несколько вечеров прочитали стихов четыреста — она читала медленно, ей нравилось, я научила ее ритмично произносить гекзаметр. Она оценила всякие сложные эпитеты — «румяноланитная», «светлоокая». Она оценила также несколько специфический юмор, который присущ эпосу. Мне кажется, что только через приобщение к настоящим текстам — на первый взгляд трудным — можно воспитать в ребенке любовь к настоящему чтению, а не к тому, чтобы просто забывать себе голову всякими интересными историями с захватывающим сюжетом. Надолжнобыть разнообразие. Дочь читает Чарскую: там гимназистки, и она гимназистка, ей это интересно и близко. Но надо перемежать это и серьезными вещами.

— **Можно сказать, что есть книги, которые нельзя читать до определенного возраста, и есть книги, которые нужно читать до определенного возраста, и до этого возраста они будут безопасны.**

— **А нужно ли детей ограничивать в чтении?**

— Чтение само по себе не является ни добром, ни злом. Все зависит от того, для чего, зачем ты читаешь, чего ты ждешь от этого чтения, потому что можно читать все подряд и просто засорять свой мозг, душу, пытаться иллюзиями.

— **А как научить ребенка правильно читать? Ведь человеку с**

СУДЬБЫ
русских Патриархов

**Одннадцатый
Патриарх**

Святитель тихон

Продолжение. Начало в № 2-17.

В смутные переходные эпохи истории бывают личности, в которых, как в фокусе, преломляется смысл совершающихся событий. На их долю выпадает воплотить страдания и чаяния народа, явиться выразителями народной души, жизнью связью между старым уходящим миром и новым рождающимся.

Таким человеком суждено было стать Святейшему Патриарху Тихону.

В маленьком селе Клин Псковской губернии 1 февраля (нов. ст.) 1865 года у священника Иоанна Тимофеевича Беллавина и его жены Анны Гавриловны родился сын, которому суждено было стать первым после 217-летнего перерыва и 11-ым Патриархом на Руси. Младенец был крещен и наречен Василием – в честь святителя Василия Великого.

Детство его прошло среди простого народа, он видел крестьянский труд и жил простой жизнью. Известно, что однажды его отец вместе со своими сыновьями ночевал на сеновале. Во сне ему явилась мать и предсказала судьбу трех своих внуков. Про одного сказала, что он будет жить обычной жизнью, про другого – что умрет молодым, а про Василия сказала, что он будет велик. Пророческий сон впоследствии в точности исполнился.

По достижении соответствующего возраста Василий учился в Торопецком духовном училище. Затем поступил в Псковскую семинарию, а блестящее её окончание, – в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Любовь к Церкви, кротость, смирение, чистота сердечная, целомудрие, удивительная врожденная простота, постоянная доброжелательность ко всем, особенно дар рассудительности – все это сделали Василия любимцем товарищей – студентов, которые дали ему шутливо-уважительное прозвище – Архиерей. В те времена не могло и в голову прийти, что это прозвище окажется пророческим.

После окончания Духовной

Академии в 1888 г. Василий Беллавин был отправлен в родную ему Псковскую духовную семинарию преподавателем. Ученики его очень любили, как и все, с кем он встречался (это было особенностю его жизни).

В 1891 г. был пострижен в монашество с именем Тихона в честь любимого им святителя Тихона Задонского. На этот обряд собралась чуть ли не весь город. Опасаясь, выдержат ли попы тяжесть народа (церковь находилась на 2-м этаже), специально поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Вскоре его упокойили в сан иеромонаха и направили в Холмскую духовную семинарию, где он назначен был начальником инспектором, а затем ректором. На 33-м году жизни, в 1897 г., совершилось его хиротония во епископа Люблинского, викария Варшавской епархии.

За 10 месяцев служения в Холмской Руси он посетил 110 монастырей и сельских приходов и в каждой церкви служил где всенощную, где литургию, где молебен. Хорошо понимая нужды своего разноплеменного края, владыка умел смягчить противоречия между польским и русским населением, содействовал умиротворению народа и добровольному переходу униатов в лоне Русской Церкви.

Чечень скоро, однако, молодого епископа Тихона отправили в Америку. Пастырею со скорбью прощалась со своим владыкой. Храмы, где он совершил службы, переполнялись плачущими богомольцами. Бедняки ходили смущенные, что

отнимается их кормильцем. Многие не могли примириться с этой разлукой и говорили о необходимости силой удержать епископа Тихона. В день его отъезда множество людей легли на полотно желтой дороги, чтобы не дать пеезду отойти. Лишь просьбы начальства и сердечное обращение владыки отпустили его с миром на указанное ему Богом новое служение успокоили народ. Пеезд медленно, при благоветном молчании тронулся. Все сняли шапки, а Преосвященный Тихон с площадки вагона все благословляя удаляющейся Холм.

На новом месте его ждала огромная епархия, в которую входили Северо-Американские Соединенные Штаты, Канада и Аляска. В этой епархии были русские люди, но их было не очень много. Поэтому он должен был изучить местные традиции и языки. Епископ проявил себя здесь, как и везде, удивительно легким, радостным, бодрым человеком. Он очень деятельно взялся за благоустройство своей епархии, принял целый ряд мер для того, чтобы развивалась православная жизнь.

Большую часть времени епископ Тихон

в начале 1907 г. пришла неожиданная весть о переводе владыки Тихона на Ярославскую кафедру. Россия, в которую он возвращался, во многом отличалась от той, что он покинул 8 лет назад. Страна пережила два серьезных события: неудачную войну с Японией 1904–1905 и политические волнения 1905–1906 годов. В умах поселилась смута; участились террористические акты, богохульство и грабежи. Революция прокралась даже за церковную ограду, и «всероссийский съезд семинаристов» призвал к неповиновению и даже убийствам руководителей духовных школ. «Больно читать сообщения о том, что творится в бедной России», – писал владыка в ноябре 1905 г. из Нью-Йорка.

Кажется, все правящие потеряли голову. Бог знает, к чему это всё приведёт. Ужели Господь до конца прогневался на нас? И скоро ли мы обрумимся?»

Главная деятельность владыки Тихона в Ярославской епархии состояла, конечно, в совершении богослужений. Верхом на лошади, пешком или на лодке, к чему он привык в Америке, отправлялся святитель в уездные города и глухие села служить литургии, молебны, панихиды. Всё время позади запросто оставлялся у настоятелей бедных сельских церквушек, любил посещать семьи членов прихода, интересовался их жизнью, разглядывал семейные альбомы.

Епископ Афанасий (Сахаров) вспоминал об одном случае, где проявились характерные для архиепископа Тихона мудрость и простота: «В один из многочисленных обходов своей довольно обширной епархии владыка Тихон заехал в какую-то пошонскую глуши, в дебри, и посетил находившуюся здесь приходской храм, священником в котором состоял семинарист, только недавно получивший духовное образование и живший в таком Тмутаракани мастигом и заслуженным ар-

хиепископом, хотя и известного своим благодушием и милостивым нравом, произвело «целое землетрясение».

Осмотрев храм, владыка по обычаю посетил домик батюшки и угостился предложенным деревенским яством: пирогами с морошкой, селёдкой с луком или солёными грибами – обычными деревенскими деликатесами. Выпил, чтобы не обидеть радушных хозяев, и споткнулся. Словом, все обошлось.

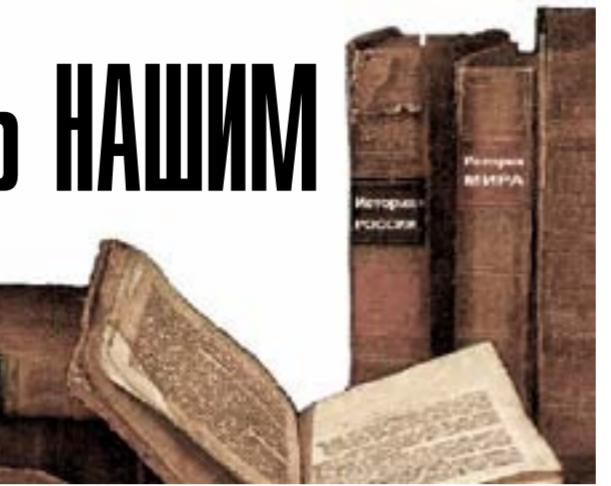
Поговорив о деле и немногих побеседовав о посторонних предметах, владыка, ввиду предстоящего ему дальнего пути, стал собираться. Когда он вышел в сени, здесь, по старой русской традиции, появилась снова молодая матушка с стопкой, которую она держала на тарелке: «Посошок – на дорогу!»

И батюшка, и матушка, низко кланяясь, прошли владыку «не побрезговать». Умилённый радушением бесхитростных юных хозяев, архиепископ взял стопку и, пригубив, почувствовал, что это какая-то гадость, поморщился и произнес от неожиданности: «Горько». Услыхав это знакомое, еще недавно так часто слышанное его слово, молодая матушка, приняв его за известный символический призыв, радостно и торжественно кинулась к своему молодому мужу и, крепко обняв, поцеловала его, оторпевшего от неожиданности. Все присутствовавшие двери открылись, и вспыхнула суета: не смутился только один владыка. «Вот так и живите», – промолвил он при виде этой нежной пары, поцеловав их сам, благословил и уехал.

Традиция чтения вслух сохранилась в некоторых семьях. Вся семья собирается вечером, чтобы почитать вслух. Это может быть светская литература – Диккенс, например. Слушатели занимаются в этот момент своими делами, как и раньше было припрятано: кто-то вяжет, кто-то рисует, кто-то моет посуду. Вообще в семье обязательно должны быть обиные сковоренки и главные реалии нашей веры: причастие например. По-моему, это страшное, чем пресловутый Гарри Поттер, ведь он живет в собственном мире, и это пространство от начала до конца сказочное. О христианстве там не сказано ни слова.

– Как сделать так, чтобы книги помогали

ЧТО ЧИТАТЬ НАШИМ ДЕТЬЯМ

Окончание. Начало на 1-й стр.

Чтение вслух сейчас незаслуженно забыто. Еще лет пятнадцать тому назад я в письме к отцу Павлу Троицкому (великому старцу, священноисповеднику) спрашивал, стоит ли во время трапезы читать детям? Отец Павел отвечал, что это очень хорошо. Дети слушали очень внимательно, даже иногда забывали есть.

– Читание вслух сейчас незаслуженно забыто. Еще лет пятнадцать тому назад я в письме к отцу Павлу Троицкому (великому старцу, священноисповеднику) спрашивал, стоит ли во время трапезы читать детям? Отец Павел отвечал, что это очень хорошо. Дети слушали очень внимательно, даже иногда забывали есть.

– Традиция чтения вслух сохранилась в некоторых семьях. Вся семья собирается вечером, чтобы почитать вслух. Это может быть светская литература – Диккенс, например. Слушатели занимаются в этот момент своими делами, как и раньше было припрятано: кто-то вяжет, кто-то рисует, кто-то моет посуду. Вообще в семье обязательно должны быть обиные сковоренки и главные реалии нашей веры: причастие например. По-моему, это страшное, чем пресловутый Гарри Поттер, ведь он живет в собственном мире, и это пространство от начала до конца сказочное. О христианстве там не сказано ни слова.

– Каков основной критерий, позволяющий отличить хорошую литературу от плохой?

– Это очень трудный вопрос, поскольку мы можем неизбежно уйти во вкусовщину. Но у каждого народа существует определенная традиция, крепдание, включающее то, что отобрано и опровергнуто веками. И мне кажется, в первую очередь нужно доверять этому наследию.

– Светская литература, зрелища, вино губительно действуют на общественную нравственность. Чрезмерно размноженные светские современные издания, усиленно распространяемые в народе, неблагоприятно действуют даже тем, что возбуждают и пытают не столько истинную любознательность, сколько бесплодное любопытство; дают много чтения приятного и занимательного, но мало низкодоставляют познания отрывочные, смешанные, сбивчивые, но с тем вместе поглощают внимание и время, отвлекают от чтения книг основательных, делают умы поверхностными и ленивыми для глубоких размышлений о важнейших предметах знания.

Святитель Феофан Затворник,

Как сформировать круг детского чтения?

Тема детского чтения в последнее время стала одной из главных в дискуссиях, ведущихся в православной среде. Чтобы помочь родителям рассмотреть эту проблему с разных точек зрения, предлагаем мнения православных издателей.

Татьяна ТАРАСОВА, заведующая редакцией духовно-просветительской и детской литературы Издательского Совета:

Детство – это тот период, когда формируется личность, и от него во многом зависит судьба человека. Детская литература должна быть оптимистична. Психология детей отличается от психологии взрослых. Дети верят в добро и справедливость, в открытый и радостный мир, в счастливую жизнь. Поэтому основная проблема в том, как отразить суть православия в детской литературе, ведь для православия важна аскетика, путь постепенного духовного восхождения к Богу, жертвенность. Ребенку это еще не понятно. И чтение обычно сопровождается бесконечными детскими вопросами «почему?», «зачем?», «кто это?». Поэтому родители должны сами хорошо знать основы православной веры и христианской истории, быть верующими людьми и уметь отвечать на самые разные вопросы детей.

В возрасте с 3 до 6 лет книга способствует постижению самых разнообразных явлений и предметов. По форме предпочтительны короткие произведения, содержащие одну простую и ясную мысль. При этом ребенок предпочитает монологам диалоги, а еще лучше, если в книге есть постоянное обращение к маленькому читателю, если ведется неторопливая беседа с ним. Именно для этой возрастной категории нужна адаптация житийных и духовно-назидательных текстов, так как они написаны языком своего времени, и многие языковые формы да и сами жизненные ситуации детям непонятны.

Период с 6 до 10 лет можно назвать периодом «самостоятельного» детства. Это время познания ребенком окружающего мира, формирования его личности, становления оценочных критерии, определяющих поведение человека в будущем. Читаемые в этом возрасте книги намного сложнее, больше по объему и направлена на то, чтобы помочь ребенку осознать себя и понять окружающий мир.

Сегодня начинают стираться барьеры между светской и духовной литературой для детей. Светская детская литература, которая долгие годы испытывала кризис жанра, возвращается к духовности и вере как к основному и необходимому содержанию детской книги. И это неудивительно. Ведь самая первая детская книга, изданная в России в XVII веке, была посвящена религиозному воспитанию детей.

Ольга ГОЛОСОВА, главный редактор издательства «Лента-Пресс»:

Наши дни дети отдалены от природы, не умеют ни играть, ни дружить, ни общаться, они с малолетства подсаживаются на телевизор, компьютерные игры и вообще развлечения. Дети сейчас не трутся, они оказываются в вакууме. На этой «благодатной» почве вырастают такие жанры детской литературы, как «детские детективы», «укастники», бесмысленные приключения. В результате ребенок не хочет познавать мир, он хочет, чтобы его развлекали.

Основная проблема детской православной литературы – отсутствие современных авторов. Мы очень многое сделали, чтобы найти новых авторов, выпустить оригинальную современную литературу, а не репринтные издания. Наиболее ярким примером здесь является Юлия Вознесенская, автор книги «Юлианна, или Игра в киднеппинг». Эта книга направлена против разного рода «волшебства», которое царит сейчас в детском чтении, когда любая книжка, где действует эльф, гном или Маша с волшебной палочкой, считается шедевром. «Юлианна» – это книга, понятная детям, она не получает, а показывает все на конкретных примерах. В ней рассказывается о двух девочках – одна из них верующая, а другая нет, – которые попадают в разные сложные ситуации. Эти трилогия – скоро выйдет еще две части: «Юлианна, или Опасные игры» и «Юлианна, или Игра в дочки-матери».

Маленький ребенок не может сам выбирать что хорошо, а что плохо. Он нуждается в том, чтобы ему это объясняли. Но современная детская литература очень часто не объясняет этого, она просто показывает разные картины. Если мы хотим, чтобы у ребенка сформировалась нравственность, нужно каждый раз повторять, что зло – это плохо, а добро – хорошо. Сам стиль повествования должен показывать, что прав хороший герой, какие бы испытания ему не пришлось пережить.

Детская книга обязательно должна быть хорошо оформлена. Конечно, можно издавать книги для детей на газетной бумаге и без картинок, но ребенок младше 10 лет такую книгу не заставите читать. Ребенок набирает впечатления не только из слов, сколько из иллюстраций.

СЛОВАРЬ

малопонятных слов, встречающихся при чтении Псалтири и молитв

Льстивый – коварный, хитрый, обманщик.
Любоначалие – желание быть начальником.
Любы – любовь.
Любый – свирепый, жестокий, пагубный.
Люте – жестоко, тяжко, свирепо.
Лысто – голень, подъюшка, мышца.
Ляденети – порастать кустарником или травой.

Мамона (маммона) – земные блага, богатство.

Манне, мановение – обращение к кому-либо, знак рукою, головою и миганием очей; тайное неподобающее действие.

Маститый – жирный, сочный, свежий.

Маститая старость – глубокая, но бодрая старость.

Масть – жир, тук, мазь благовонная, масло, елей.

Междорамие – междууплечие, т. е. пропранство между плечами; спина.

Междоречие – место между двумя реками; Месопотамия.

Междоусобная брань – вражда или бунт внутри государства.

Мене – меня.

Мёрзкий – угрюмый, страшный, достойный омерзения.

Мерилло – мера, весы, воздаяние.

Мертвые века – давно умершие.

Мессия – Помазанник; древнееврейское слово, означающее то же, что и греческое "Христос".

Местник – мститель, злобный отмститель.

Месть – справедливое наказание, возмездие, мщение.

Мех – мешок.

Мечный – мечом совершающий.

Мечное посеченье главы – усекновение главы мечом.

Мэда – награда, воздаяние.

Ми – мне.

Милость – милосердие.

Милоть – верхняя одежда, мантля, плащ.

Миля (милы) дею – умиленно молюсь, пропоруясь себя в милость.

Миляся деяти – умиляться, умилостивлять.

Милюся – умилостивляюсь.

Минея – книга, включающая молитвы и песнопения святых в порядке дней их празднования.

Мир – 1) тишина, спокойствие; 2) вселенная, весь земной шар или весь род человеческий.

Мирный – земной, временный.

Миро – драгоценный елей; благовонное масло, освящаемое Патриархом или Митрополитом в Великий Четверг для совершения Таинства Миропомазания.

Миротворцы – те, кто и сами не подают поводов к раздору и несогласию, и других, враждующих между собою, примиряют.

Мирсина – мирт, мirtовое дерево.

Мирра – смина – вещества, состоящее из смолы и камеди, пахучее и горькое, добывается из дерева, растущего в Египте, Аравии и Нуебии.

Мистерии – священное действие языческой религии, представлявшие в лицах походение богов и героев.

Мистерии христианские – представления о событиях священной истории.

Почему спорят о вере?

Архиепископ Нафанаил (львов)

Почему научные истины так неоспоримы и ясны, а истины религиозные вызывают много споров?

На это триста лет тому назад ответил учёный мыслитель Паскаль, сказав: "Если бы геометрические теоремы также неизбежно стремились следовать своим желаниям, они отбрасывали бы неотделимые, касающиеся неприятными сторонами Божьего закона, но весь этот закон в целости.

Так возникает безбожие.

Если бы Божий закон защищали только одни человеческие силы, то люди давно извертили бы его из неизвестности. Но Божия рука промыслительно хранила Его закон. Она-то и выдвигает среди людей богатыреи духа, которые безбоязненно, пре-небрегая страданиями и опасностью, потеряя свою жизнь, защищают истины веры и вечный Божий закон.

Таких героев духа много появилось за эти полвека у нас на родине, где так жестоко была гонима вера. Мы преклоняемся перед подвигом этих героев духа. Мы знаем, что и внешняя наука имеет своих мучеников, шедших на испытания, а иногда и на смерть, за истины внешнего знания. Мыуважаем их подвиг.

Но их подвиг в значительной степени является лишь их личным подвигом в жизни большинства людей ничего не изменится от того, как представлять себе мироздание: солнце вращается вокруг земли или земля вращается вокруг солнца. А от разницы в вере, т.е. верить ли во Христа, в будущем Магомета, от признания или непризнания церковных таинств, а тем более от признания или непризнания основных истин религии: бытия Божия, веч-

ности души и загробной жизни – от всего этого в корне меняется человеческая жизнь.

Вот почему так много сомнений, так много разногласий возникает вокруг вопросов религии.

Но тихим, нечеловеческим, неземным, надмирным светом сияют эти истины, и человеческая душа, искренне ищащая их, готовая, подобно евангельскому торговцу, всё отдать за драгоценную жемчужину истины, с Божией помощью находит Их.

Желания, несомнимые с Божиим законом, у людей много. У одних – одни, у других – другие. Потому по-разному люди и стремятся переделать

Блаженны невидевшие и уверовавшие (Ин. 20, 29). Этими словами Господь соединил с апостолами верующих всей земли и всех времён.

Епископ Игнатий (Брянчанинов).

Поэтому вера особенно и достойна удивления, что не только полезна и спасительна, но и удобна, весьма легка и для всех доступна.

Святитель Иоанн Златоуст.

Вера требует единого, чистого и простого образа мыслей, далекого от всякого ухищрения и изыскания способов (доказательства).

Преподобный Исаак Сирин.

Душа без веры – сосуд, закрытый для благодати, а душа верующая – открытый. Вера открывает душу для принятия благодати.

Филарет, митрополит Московский.

Чтобы в сердце началась евангельская вера, необходимо предварительно познать свою немощь и живо восчувствовать гнев Божий, проклятие, суд и осуждение, определенное грешникам. Тогда уже в сердце, как огнем очищенным и подготовленном этим страхом, зачиняется и вера по Духу Святого.

Епископ Феофан Затворник.

Светлана Копылова

ЦИРЮЛЬНИК

К Цирюльнику пришел Клиент один из многих, Внезапно разговор зашел у них о Боге.

Цирюльник говорил, что «Был бы Бог на свете – Народ не знал бы войн, не умирали бы дети...»

А если на земле такое зло творится, Как этому всему позволил Бог случиться?».

Цирюльник утверждал, Клиенту брея щеки, Что «Как тут не крути, а нет на свете Бога...»

На улице Клиент увидел, как бездомный Заросший человек щетину чешет сонно.

И, возвратившись, он Цирюльнику ответил: «Теперь я знаю – нет цирюльников на свете.

А были бы они, я не встречал бы больше

На улице людей небритьых и заросших.

И, поведя плечом, Цирюльник хмыкнул:

«Что же, пускай они придут – я подстриги их тоже».

Вот так же и Господь – ждет всех людей планеты, Но люди не идут к Божественному свету.

ПОМНИ О СМЕРТИ

О тчего нам теперь бывает грустно думать о смерти? Оттого, что редко думаем о ней, а еще более оттого, что нам жалко расстаться с благами мира сего. Хотя и говорят, что мир есть не что иное, как юдоль плача, а все иногда бывает весело и здесь, а особенно весело тому, у кого денег довольно, кто в чести у всех, у кого изобилие во всем. Что же? Если блага мира сего препятствуют нам спокойно умирать, то заранее, поскорее расстанемся с ними, не будем слишком привязываться к ним. И что пользы привязываться к тем благам, с которыми, волей или неволей, а непременно надобно расстаться? Что пользы предаваться тому веселю, которое рано ли, поздно ли, а непременно должно окончиться слезами? Ведь чем дальше, тем хуже. Посмотрите, как больно бывает умирать старым людям, которые не любили думать о смерти, которые всей душой предавались мирскому!

Протоиерей Родион Путятин.

На третий день по кончине умерший православный христианин удостаивается церковного отпевания и погребения.

Отпевание – это заупокойное богослужение, единожды совершающее над телом умершего. Значение этого богослужения настолько велико, что в древности относили его к церковным Таинствам. И, действительно, кроме обычных заупокойных молитвословий, надумершим читается (обязательно священником) разрешительная молитва, в которой прощаются умершему бывшие на нем клятвы, а также грехи, в которых он покаялся на исповеди или забыл покаяться по неведению, и умерший с миром отпускается в загробную жизнь. Текст этой молитвы тут же влагается в правую руку усопшего его родными или близкими. Если молитва не прочитана священником над усопшим, а просто вложена в руку покойного, то она никакой силы не имеет и никакой роли не играет. Отпевание может быть совершено только православным священником, имеющим преемственную апостольскую благодать вязать и решить человеческие грехи. О силе и значении отпевания свидетельствуют многочисленные случаи явления усопших не отпетых христиан своим родственникам или близким с просьбой совершить это заупокойное богослужение. Без отпевания душа христианина не находит покоя. И если нет возможности совершить очное отпевание над телом усопшего, по причине отсутствия

церковное поминование не отпевание обманным путем, то покойному это не поможет, на ваке же ляжет тяжкий грех. О самоубийце необходимо совершать домашние молитвы, в частности, по благословению священника можно читать канон "О самовольно жизнь скончавшихся", Евангелие или Псалтирь. Большая помощь покойной душе грешника оказывает милостыня и другие добрые дела в память его творимые.

При совершении чина отпевания родственники и близкие стоят у гроба с возжженными свечами и усиленно молятся вместе со священником. Если в храм для отпевания привозят сразу несколых покойных, это не должно смущать их родственников. Лучше совершить полноценное отпевание без спешки сразу несколых покойных, чем торопливо, из-за отсутствия времени, одного.

Не должно смущать близких и перечисление вместе с именем отпеваемого и других имен усопших, для которых было заказано заочное отпевание. При прощании с усопшим, провожающие усопшего в последний путь, потушив свечи, обходят гроб с телом, совершают крестное знамение с поклоном, просят у почиившего прощения за причиненные обиды, целуют венчик на лбу и икону, расположенные на груди. После прощания тело полностью закрывают покрывалом, священник крестообразно посыпает его землей со словами "Господня земля и вси живущие на ней", гроб закрывает крышкой, после чего уже открывается.

При этом поется "Трисвятое".

Выносят гроб из храма лицом выходу (ногами вперед). При этом поется "Трисвятое".

Христианская встреча смертного часа

М ать иеросхимонаха Троице-Сергиевой Лавры Виктора, Агриппина, по словам сына ее, всю свою жизнь провела в трудах, скорбях и бедности. Но духом своим она горела любовью к Богу и ближним. Дожив до семидесяти пяти лет, старушка стала изнемогать. Чувствуя свою слабость, она стала просить сына своего Василия съездить за священником, чтобы он напутствовал ее Святыми Таинами. Просьба ее была исполнена. По совершении всех Таинств – исповеди, причащения и елеосвящения – умирающая утомилась и просила у священника разрешения прилечь в переднем углу. Через короткое время она вдруг поднялась со скамьи и обратилась к своей невестке:

– Невестка! Зажигай скорее свечи и лампады! Гости пришли! Какие они милые и драгоценные гости!

С этими последними словами своими она склонилась на подушку и предала дух Богу.

Накануне

Жизнь земная подходит к концу... Скоро я распрощаюсь с землею, Скоро дух мой предстанет Творцу, Вострецет пред Богом Судьбою. Боже, милостив буди ко мне, В Твоей чудной, небесной стране!

Это Царство смиренных, простых, Терпеливых и Господу верных, Это Царство душ чистых, святых Непричастных порока и скверны. Боже, милостив буди ко мне В этой светлой небесной стране.

У меня же нет светлой одежды, Даже слез, Боже, нет у меня, Но я все же не теряю надежды, Что спасет меня милость Твоя.

Боже, милостив буди ко мне В этой светлой небесной стране.

На Тебя я надеюсь, Спаситель! Крестной мукой и смертью Своей Приобрел Ты святую обитель Для прощенных Тобою людей. Боже, милостив буди ко мне В этой светлой небесной стране.

Священник Николай МЕЛЬНИКОВ.

Важно поминать усопших на литургии

Каждый из нас, желая проявить свою любовь к усопшим и оказать им действительную помощь, лучше всего это может сделать через молитву о них, в особенности поминовением их на литургии, когда вспоминаются за живых и усопших частицы опускаются в кровь Господню со словами "Отмытый, Господи, грехи поминавших эле Кровию Твою чистою, молитвами святых Твоих". Ничего лучшего и большего не можем мы сделать для усопших. В этом они нуждаются всегда, а особенно в первые сорок дней, в которые душа усопшего проходит свой путь до вечных обитателей.

Полезны усопшим и панихиды, и домашние молитвы о усопших и добрые дела, творимые в их память, как, например, милостыня, жертвы на церковь, но особенно полезны для них поминовение за Божественной литургией. Много было явлений усопших и других событий, подтверждающих, насколько благодетельно поминование усопших. Многие умершие с покаянием, но не успевшие то проявить при жизни, освобождались от мук и получали упокойение. Насколько важно при этом поминование за литургией, показывает следующее событие.

Перед открытием моей св. Феодосия Черниговского (1896 г.) совершивший переход молитвами священник, умерший в сидя возле моей задорил и увидел перед собой святителя, сказавшего ему:

– Благодарю тебя, что для меня потрудился. Еще прошу тебя, когда будешь совершать литургию, помни моих родителей, – и назвал их имена (иерей Никиту и Марию).

– Как ты, святитель, прошишь у престола небесного и подаешь людям молитвы Божии? – спросил священник.

– Да, это верно, – ответил святой Феодосий, – но приношение за литургией сильнее моей молитвы.

Родные и близкие усопших! Делайте для них то, что им нужно и что в ваших силах. Тратите средства не на внешние украшения гроба, могилы, а на помощь нуждающим

А. Круглов

Слезы Еремки

На полной свободе росли мы оба.

Мы — это я и мой двоюродный брат Всеволод, которого все звали уменьшительным именем Лодя. Жили мы в большом барском доме, где было больше двадцати комнат. У обоих у нас было видимо-невидимо игрушек. Особенно у Лоди, которого отец (мой дядя) любил без памяти, как говорится, души не чаял. Не было, кажется, слuchая, чтобы он отказал в чем-нибудь Лоде. Каждый каприз его исполнялся сейчас же.

«Баронку нашему не жизнь, а масленица! — говорила прислуга. — Разве что только птичьего молока нет, а всего остального вволю, чего душа хочет».

Дядя был вдовец, детей любил и не тяготился

тился нами. Дети ему не мешали своим шумом, и потому мы пользовались в доме полной свободой — что хотели, то и делали. Мы могли стучать, бегать по всем комнатам, орать, залезать куда угодно и производить всевозможный беспорядок. Захотим — все стулья перетащим из одной комнаты в другую или из мебели целую гору соорудим. А не то поставим в зале рядом стульев десять, свяжем их и начнем двигать под барабанный бой. Это, изволите видеть, кавалерия несется. Шум и стук на весь дом, одним словом — всё вверх дном. А дядя ничего, улыбается только. Уж чего бы лучше? Так нет: из барских хором тянуло нас то в кухню, где старая Матрена потчевала нас ржаными лепешками (в то время, как мы и смотреть не хотели на сдобные булки), то в людскую, где кучер

говорите, а то на-ка! Еремка! Подумаешь на другого кого. И действительно, смешон был Еремка. Как живой стоит передо мной и теперь: маленького роста, с большой конусообразной головой, широким лицом, толстым носом, точно расплеснутая картофелина; глаза, словно у теленка, стекловидные, ресницы и бровей совсем не заметно: жидкое-прежидкое и совершенно белые, лицо — вечно улыбающееся, ноги — колесом, а от этого походка его невольно вызывала смех. И смеялась же над Еремкой вся прислуга. Даже сам он смеялся над собой.

— Да ты-то чего смеешься? — скажут ему, бывало.

— А что?

— Смеешься-то зачем?

— Нешто смеяться-то запрещено?

— Какой тут запрет, да знать надо, над чем

смеяться.

— Ну, что же, я и знаю.

— Над чем же?

— А вот над тем, что смешно!

— Дурень! Да ведь над тобой смеются-то все!

— Пущай! И я смеюсь. Что же мне, пла-кать разве?

— И радоваться-то, кажется, нечему. Ишь, какой уродился!

— А что же такое? Чем худ уродился?

— Хорош! Очень хоро!

— Ну, что же! Уро-дился такой, что всем смешно, стало быть, веселье, удовольствие доставляю собой. Что ни есть, а Божьему созданью — человеку — отраду даю. Чем же худо?

— Вот сказал тоже!

— А что? Хуже бы, коли плакать заставлял! От иного человека все плачут, а от меня хохочут. И слава Тебе, Господи!

Снимет рваную шап-чонку и перекрестится.

Одевался Еремка тоже «по-смешному». Сапоги всегда с дырами, так что пальцы торчат наружу; брюки на одной ноге короче, чем на другой, и даже настолько, что не доходят до голенища сапога. Идет Еремка и то и дело поддергивает брюки.

— А у нас, братцы, — смеялась прислуга, — Еремка-то, что «барышня», в коротеньких панталончиках ходит.

— Еще бы! Он ведь у нас, известно, Еремка! — вдруг обращался говоривший к «барышне» в панталонцах.

— Ась? — отзыва-лся тот.

— Ведь ты смешной?

— Смешной, — отвечал Еремка.

— Как есть ду-рак, а?

— Нет, не дурак, — возражал Еремка.

— Да как же так? Коль смешной, стало быть, и дурак. Не так разве?

— Вестимо, нет! Ду-рак — одно, а смешной — другое. Дурак, из-вестно, дурак и есть, ничего больше.

— А смешной?

— Ну, а смешной не то. Вот я — смешной.

Скажет это и пойдет, раскачиваясь на обе стороны, в свою избушку к воротам.

Жил он в «конуре», где, по его собствен-ному выражению, ко-рова ляжет, а хвоста не протянет.

— И я-то едва могу лечь, — говорил он, — а дай-ка еще хвост, ну, и высовывай его за дверь.

Пол в каморке часто был грязный.

— Еремка, — спро-сили мы его однажды, — что же ты пол не мо-ешь?

— А нельзя!

— Как нельзя? Что ты за вздор говоришь!

— Нельзя, уж это верно!

— Да почему же?

— А потому, что грязи много.

— Да ты вымой, и не будет грязи.

— Мыть-то нельзя, потому, как только воды нальешь — такая грязь мягкая сделается, что ноги завязнут и не вытащишь!

Мы удивленно посмотрели на него, а он засмеялся громко, по-том хлопнул меня по плечу и промолвил:

— Так-то, барчук, так-то... И чего вам надо от смешного Еремки? За-чем вы к нему ходите? За что любите Еремку и его «конуру»?

Трудно объяснить, за что мы любили его или, по краюней мере, почему привязались к нему. А привязались мы очень. Дня не проходило, чтобы не были у него. Да какое! В день-то иногда сколько раз посетим его избушку. Придем и сидим. А что тут веселого? Да ничего. Ведь и ржаные лепешки не вкуснее же белых булок, а булки мы бросали, ржаные же лепешки ели с наслаждением.

— Неужели лучше булок? — спросит, бывало, Матрена.

— Лучше!

Только головой пока-чет старуха.

И тут то же самое. В светлой, высокой и чистой комнате не сиделось: мы бежали в грязную «конуру» Еремки.

Что нас могло тянуть к нему? Рассказывать он не любил, да и сказок не знал, петь не умел. На одно только Еремка был мастер: это разные фигурки из глины лепить. Тонко так, скоро делал. Возьмет глины, помнет ее, глядишь — вышла собачка или кошка. И ведь как славно-то, точно совсем настоящая, только не мякует или не лает. Может быть, это именно и влекло нас?

Да разве у нас не было игрушек, таких же собачек и кошек, да еще лучше деланных, из дорогостоящего материала? Но Еремкины кошки и собачки казались нам, вероятно, лучше. Мы шли смотреть на них, просили сделать нам новую «киску».

— Еремка!

— Что, барчук?

— А как ты это делаешь?

— Руками.

— Да как же руками?

— А вот гляди: возьму да и сделаю.

— А я сделаю?

— Не знаю, попробуй.

Я попробую, но у меня ничего не выходит.

— Не делается, Еремка!

— Стало, не можешь?

— А ты отчего же можешь?

— От Бога, значит, одному дано умение, а другому — нет! Кому что! Вот ведь вы, барчушки, телом и лицом не как я — другие. Я смешной уродился, а вы — нет, я — умелый на это вот (он указывал на глиняную собачку), а вы — нет. Всякому свое.

Далее этих разговоров мы не шли. Еремка не любил говорить много.

— И что вы приста-те, барчушки, — замечал он, когда мы уж очень привязывались к нему с какими-нибудь вопросами, — разве я знаю? Я — человек необразованный. А у вас и книжки, и барин ученый. Что ко мне? Я ведь смешной, что я знаю? Так-то!

Скорчит уморительную мину и засмеется.

Окончание следует.

